

УДК 14.35.01

Э.Р. Тагиров*

«УНИВЕРСИТЕТ XXI ВЕКА»: ГЛАВНЫЙ ПРОЕКТ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье анализируются причины кризиса системы высшего образования. Дается характеристика феномена «войны за умы» как нового, особого направления, формы конкурентной борьбы за глобальное лидерство. Именно в этом контексте рассматривается роль высшей школы, миссия которой — поставка интеллектуального продукта в виде профессионально продвинутой, креативно мыслящей, пассионарно заряженной личности.

Ключевые слова: модернизация высшей школы, университетская революция, образовательный бум, интеллектуальная интервенция.

Стержневая причина общецивилизационного кризиса кроется в ослаблении интеллектуального потенциала человечества, подорванности подпитывающих его корней, прежде всего системы высшего образования, олицетворением которой является университет.

Традиционный тип университета вошел в фазу кризиса, который думающей частью планеты, воспринимается как экзистенциальная угроза самому существованию земной цивилизации. Однако кризис — не признак распада или отработанности университетской системы, а момент переосмысления исторической миссии университета, этапного сдвига в определении его предназначения с позиций третьего тысячелетия.

Речь идет не столько о принятии каких-либо, пусть самых масштабных, национальных или международных программ, которые, конечно, нужны, а о необходимости смены самой философско-смысловой, концептуально-ценностной парадигмы развития высшего образования. С этим связана актуальность, востребованность и глобальность проекта «Университет XXI века», реализацией которого занято все мировое сообщество. В орбиту дискуссии вовлечена вся мыслящая часть планетарного сообщества. Участники мегапроекта одержимы разными мировоззренческими установками, педагогическими конструктами, национально-государственными интересами. Но осуществление «университетской революции» все они одинаково мыслят в рамках категорий «цивилизационная продвинутость», «инновационная развитость», «национальная безопасность», «глобальное лидерство». Знаковость этого консенсуса в том, что высшее образование в подобном измерении становится все более значимой национальной и общемировой ценностью и все более приоритетной сферой общественной жизни. Укрепляется понимание университета как особого авторитета в качестве центра интеллектуального, духовного и культурного влияния, центра экспансии знания, науки и информации.

Но как «приподнять» университет до уровня, адекватного вызовам постмодерна? Переосмысление роли института высшего образования необходимо начать с анализа

---

*© Тагиров Э.Р., 2013

Тагиров Энгель Ризакович (kinculp@gmail.com), кафедра истории и социологии Казанского государственного университета культуры и искусств, Институт культуры мира ЮНЕСКО, 420059, Российская Федерация, г. Казань, Оренбургский тракт, 3.

накопленного опыта, «возвращения» университету его исконно исходной функции – формирования личности гражданина-патриота, государственно мыслящих поколений. Установка на подготовку компетентных, конкурентоспособных специалистов не вызывает сомнений. Но главным маркером, определяющим компетенцию, должна выступать степень социализации, уровень их гражданственности. Если «голая» инженерия, эгоизм, прагматизм, сугубо коммерческий расчет и рыночный подход отвечают менталитету и идеологической установке Запада на его глобальное господство, то российская высшая школа всегда была сильна тем, что являлась школой духовности, гуманизма, гражданственности. Профессиональная компетентность была высокой и универсальной именно потому и только тогда, когда она была пронизана, «оплодотворена» идей первичности интересов страны, народа и общества. Ведь совсем не случайно постсоветский кризис российской государственной системы совпал с кризисом высшей школы: «дикий» рыночный капитализм западно-либерального покроя «растоптал», деформировал ее гуманистический ландшафт, взращенный многовековым культом и практикой «сеять доброе, вечное, разумное». На «взлом» традиционной системы образования – «обучение – развитие – воспитание» и изъятие из нее такой части, как «воспитание», улица ответила «взрывом» молодежной преступности, массовой алкоголизации и наркомании. Общество не просто получило «потерянное» поколение, оно потеряло историческое время, отпущенное на строительство новой, демократической, цивилизованной России. Весь этот постсоветский период высшая школа оставалась заложницей бесчисленного и стихийного вала экспериментов и административных реформ. За это время из стен университетов выпустились дети «потерянного» поколения 90-х годов, 80 % которых характеризуются как социально апатичные [6]. Университеты «заклинали» своих питомцев стать агентами рынка, амбициозными менеджерами, «барометрами» конъюнктуры, конкурентоспособными в смысле умения идти к цели независимо от методов и принципов ее достижения. Хотя под конкурентоспособностью личности на самом деле имеется в виду совсем другое – умение креативно мыслить и действовать, обладать высокой общей и профессиональной культурой, создавать и уметь воплощать идеи, проекты, инициативы. В современном мире конкурируют идеи, умственные способности, интеллект, а не мускулы и сила. К сожалению, наш вузовский конвейер и до сих пор продолжает выпускать в основном посредственную в интеллектуальном смысле, инертно-пассивную в социальном измерении массу специалистов. Готовятся большей частью не профессионалы-патриоты, а функционеры, послушные, исполнительные подданные государства, интересы которых слабо соотносятся с интересами, проблемами и перспективами развития общества. Разве не об этом свидетельствуют неукрошаемая тенденция «бегства» капитала, утечки «мозгов» за рубеж, ослабляющая державную мощь страны и усиливающая совокупный потенциал наших конкурентов [2].

Без смены парадигмы образования, начиная от его дошкольных, школьных и вузовских ступеней, восстановления традиционно трехзвенной, взаимосвязанной и взаимоусиливающей системы «обучение – развитие – воспитание» невозможно реформирование общественного сознания, без чего трудно рассчитывать на выход из исторического тупика, в котором оказалась Россия.

Перед университетом XXI века впервые встает задача подготовки элиты нового исторического типа, способная переломить процессы саморазрушения матрицы российской цивилизации и начать выстраивание новой модели общественного устройства. Без превращения университетов в школу формирования класса модернизаторов с высокой идейной мотивацией, гражданской ответственностью и социальной активностью преодоление системного кризиса нереально. Университету новой модифика-

ции предстоит существенно поднять планку социального качества образования с целью воспитания высокоинтеллектуальной и национально ответственной элиты.

Модернизация высшей школы – не отраслевая и не внутрикорпоративная проблема. Впервые в истории она жестко соотносится с будущим России, ее местом в глобальном рейтинге ведущих государств мира и миссией страны в контексте ответственности за сохранение и развитие цивилизации на планете Земля. На рубеже веков становится предельно ясным, что сдача страной одной позиции за другой объясняется кризисом высшего образования и вытекающим из него дефицитом идей, идей прорывного развития, ослаблением интеллектуального потенциала, а, по большому счету, креативного слоя цивилизации.

За «замерами» кризиса системы образования далеко идти не приходится. По качеству образования Россия занимает 30-е место в мировом рейтинге, в то время как три года назад это было 27-е место. По конкурентоспособности экономики пять лет назад Россия занимала 43-е, в 2011 г. – 63-е место; по уровню развития человеческого потенциала за последние пять лет мы сошли еще на пять ступенек ниже и занимаем 65-е место. И наконец, Россия занимает 17-е место в Европе по коэффициенту интеллекта [3].

Вот в каком контексте определяется задача «переформатирования» типологии университета – от классической к постиндустриальной модели. В XXI веке университет все больше воспринимается как важнейшая социальная институция, влияющая на решение ключевой проблемы современности – обеспечения инновационной мощи государств, предопределяющая их внутреннее благополучие и высокий рейтинг в мировом сообществе.

Что такое инновация для России? Несомненно, что это один из главных вопросов повестки дня. От него зависят ответы на целую серию вопросов:

- какой будет экономика – сырьезориентированной, импорто-технологичной или конкурентоспособной;
- каким будет место России в международном разделении труда, в геополитической системе координат;
- каким будет качество жизни народа, индекс человеческого капитала;
- каким будет молодое поколение: «вещью в себе», индифферентным, пассивным исполнителем или активным, креативно заряженным и патриотически настроенным субъектом цивилизационных перемен;
- какой будет степень безопасности страны – военной, технологической, продовольственной, экологической, демографической и т. д.

Таким образом, проблема инновационного развития принимает для России фундаментальный, мировоззренческий характер. На путь инноваций мы встаем с большим историческим отрывом – отставанием от передовых государств. У России один из самых низких показателей по инновационной активности и восприимчивости инноваций. Ее промышленно-инновационная продукция составляет лишь около 5 % [4], из них только 0,1 % экспортируется на мировой рынок. А пока на нем господствует высокотехнологическая продукция стран европейской «восьмерки», доля которых составляет 16–18 %. Показатели Европы превзойдены «разбуженными» азиатскими тиграми. Доля экспорта Китая на международный рынок увеличилась с 6 % в 1995 году до 20 % в 2008 году, а доля стран группы «Азия-9» выросла до 26–29 % [5]. Даже инновации в военной сфере – уже не предмет национальной гордости. Объем российского оружейного экспорта – это менее трети объема китайского экспорта детских игрушек. И в то же время мы тратим 700 млн долларов в год на закупку авионики. Социальная инновация – наиболее запущенная сфера: все социально-экономические реформы можно считать проваленными – административную, образовательную, здра-

воохранительную, пенсионную... Сфера научных инноваций также слаба. Научно-технологический потенциал СССР исчерпан. За последние десятилетия не выращено ни одного лауреата Нобелевской премии. Академик В. Гинзбург был последним из могикиан.

В чем причина такой ситуации и где выход? Корни многих бед кроются в том, что в стране отсутствует инновационная система. Нужна новая онтология новаций: не вертикальная, ориентированная на создание институциональных структур (академических в рамках РАН или властных – в форме госкорпораций), а нелинейная, то есть поддержка инноваций в горизонтальных точках научно-технологического «кипения». «Сколковых» – больших и малых – должно быть множество¹. В рамках силиконовых долин и будет создаваться инновационная среда и, самое главное, решаться проблема субъектообразования. Молодежь, вузовская, производственная, научная, – та среда, в которой будет протекать процесс формирования субъектов инноваций. Университету в этом плане предстоит стать инкубатором инновационно мыслящих и действующих поколений молодежи.

Размышляя о новой интегральной миссии университета следует отметить, что его предназначение ныне существенно расширяется. Концептуальное переформатирование университета, длительное время являвшегося «фабрикой спецов», его превращение в школу инновационного мышления и подготовки интеллектуального класса будет способствовать усилению позиции России на геополитической шахматной доске, где разворачивается борьба старых и новых центров силы за мировую гегемонию. Если в XX веке в условиях двухполюсного мира это противоборство протекало по линии «СССР – США», то в XXI веке вырисовывается новая схема борьбы за мировое лидерство – «США – Китай», олицетворяющая собой традиционную конкуренцию двух полюсов – Запада и Востока [1]. В условиях геополитической «схватки» «постиндустриального гегемона» (США) и «промышленного монстра» (Китая, вышедшего по объему ВВП на второе место после Америки) перед Россией встает задача «возвращения» в большую политику. Она может быть решена только на основе формирования «экономики знаний». Война «экономики знаний» – главная особенность и содержание конкуренции общественных систем и цивилизаций в современном мире. Это главный плацдарм, главное поле геополитической битвы за лидерство. У США в этом отношении есть задел и опыт, у Китая – амбиция и инерция «скачка», у России – идея превращения страны в «островок будущего» через осуществление инновационного рывка и завершение модернизации, органической частью которой является модернизация высшей школы. В этой глобальной гонке в выигрыше те, кто раньше и успешнее других превратят университет в инкубатор инноваций, науки, культуры, информации и тем самым соорудят «мост» в «экономику знаний».

Вот в таком расширенном контексте есть смысл определять миссию университета XXI века. Современные модели экономических «чудес», технологических прорывов и модернизаций, так же как и современные войны, – идеологические, торговые, валютные, информационные, геополитические... являются не чем иным, как конкуренцией умов, идей развития, проектов создания новых моторов роста. Но все их нити проходят через живую ткань университетской интеллектуальной материи. И как важно, чтобы эти нити были «скроены» из гуманитарного материала! Гуманитарное предназначение образования – верхняя планка горизонта представлений по вопросу о миссии университета.

---

¹ В Китае, например, действуют 56 крупных инновационных центров (значительно мощнее по сравнению с нашим «Сколково») с участием 3 тыс. исследовательских учреждений с привлечением сотен миллиардов иностранного капитала (См.: НГ – наука, 12 апреля 2011 г.).

Библиографический список

1. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2010.
2. Капитал справедливости // Литературная газета. 2011. 13–19 апреля.
3. Мой район. 2011. 19 августа. URL: www.mr-msk.ru.
4. Независимая газета – наука. 2009. 22 сентября.
5. Независимая газета. 2010. 8 ноября.
6. Независимая газета – наука. 2011. 9 февраля.

E.R. Tagirov*

«UNIVERSITY OF THE XXI CENTURY»: MAIN PROJECT OF MODERNITY

In the article the reasons of crisis of the system of higher education are analyzed. The characteristics of phenomenon «wars for minds», as new, special direction, a form of competitive fight for global leadership is given. Exactly in this context the role of higher school, which mission is delivery of an intellectual product in the form of professionally advanced, creatively thinking, and passionately charged personality is viewed.

Key words: modernization of higher school, university revolution, educational boom, intellectual intervention.

---

* *Tagirov Engel Rizakovich* (kinculp@gmail.com), the Dept. of History and Sociology, Kazan State University of Culture and Arts; Institute for the Culture of Peace UNESCO, Kazan, 420059, Russian Federation.